

АЛЕКСАНДР ЛЕБЕДЕВ

ТИХОНЯ

РАССКАЗ

Прозвище дали в училище. Так и прилипло на всю жизнь. Вначале Владислав обижался, иногда и кулаками доказывал, что никакой он не Тихоня, хоть и фамилия Тихонов. Потом понял — прозвище действительно ему соответствует. Рост скромный. Немногословен. Незаметен. Криком не берет, убедить старается.

Поняли и одноклассники — Тихоня фору даст многим. Учитяся отлично. Первые разряды имеет по нескольким видам спорта. Упорства и воли не занимать. Товарищу всегда поможет. Надежный парень. Те, кто знал Тихоню, не понаслышке, признавали его превосходство, не единожды избирали секретарем комсомольской организации. Владислав общественную работу не любил, но доверие старался оправдать. Слова у него и здесь с делами не расходились.

— Вы, товарищ капитан третьего ранга, на последнем собрании присутствовали?

— Присутствовал, — неуверенно подтверждает командир роты.

— Почему же препятствуете выполнению решения, которое, между прочим, принято единогласно?

— Вы принимали, вы и выполняйте. Я-то при чем?

— Срываете подготовку вечера со студентами.

— Что ты от меня хочешь?

ЛЕБЕДЕВ Александр Владимирович родился в городе Коломна Московской области в 1945 году. Более тридцати лет прослужил на Военно-морском флоте. Капитан 1-го ранга в отставке, кандидат исторических наук, доцент Балтийского Военно-морского института. Стихи и рассказы печатались в сборниках “Антология калининградского рассказа”, “Балтийский флот”, в журналах “Балтика”, “Параллели”, во флотских газетах и журналах. Живёт в Калининграде.

— Увольнения для участников.

— Откуда ты на мою лысую голову свалился? Давай увольнительные.

С медалью окончив училище, Владислав выбрал корабельную службу на Северном флоте. Женится на однокласснице.

Командир, здоровяк под два метра, офицеров подбирает под стать себе. Поэтому Тихонова встретил не ласково. Не смотрелся Тихоня.

— Может, на берег хочешь? Устрою. Договорюсь с кадрами.

— Зачем? Мне корабль нравится.

— Справишься? Матросов два десятка, мичманам палец в рот не клади — откусят и выплюнут.

— Постараюсь.

Здорово пришлось постараться Владиславу. Досрочно сдал на все виды допуска.

— Хорошо, — отметил командир, — однако это учеба, не служба.

Перед призовыми стрельбами случилось несчастье с родителями у корабельного артиллериста. Убыл в отпуск по семейным обстоятельствам. Командир заволновался. Давай флагманского специалиста трясти:

— Где замена? С кем в море выходить? Не с Тихоней же?

Замены не было.

Все тренировки командир корабля проводил на командном пункте боевой части. Не доверял Тихонову. Тот, не выдержав, заявил:

— Товарищ командир, своей излишней опекой вы мешаете подготовке.

Не волнуйтесь, я постараюсь не подвести.

И не подвел. После стрельб командир сдержанно похвалил:

— Молодец, серьезные вопросы решать можешь.

Доверили Тихоне боевую часть. В передовики он не лез, однако был им всегда. Командование только руками разводило. Как так? Голоса никогда не повысит. Отругать подчиненного по-флотски, со вкусом не умеет. А все крутится будто само собой. Им бы догадаться, несообразительным, что в этом и есть искусство руководства. Да разве поймешь, когда хамство и грубость стали нормой.

Скажет Тихоня седому мичману:

— Валентин Семенович, я вами сегодня не доволен.

Покраснеет Семенов, засопит словно чайник, свирепо на старшин посмотрит. Те на матросов покосятся. Никто спать не ляжет, пока порядка не наведут. Неэффективно выглядит со стороны. Поэтому, когда в очередной раз встает вопрос о выдвижении Тихонова, начальники помнутся, помнутся и, не найдя ничего существенного против, заметят:

— Какой-то он не такой. Тихоня. Пусть еще послужит. Дозреет.

Так и перезрел Тихонов. С кем лейтенантом начинал, кораблями командуют. Замкнулся. Друзей порастерял. Супруга с непонятной радостью сообщит:

— Опять тебя, Тихоня, объехали. Витька Зыков звонил, очередное звание обмывать приглашает.

“Вот язва, — подумает Владислав. — Ну, ей-то не все равно, кто муж: адмирал или мичман”. Однако, поразмыслив, соглашался: наверное, права. Обидно. Понять можно.

Дело свое продолжал исполнять добросовестно. Иначе не мог. Без прежнего, правда, азарта, интереса. Выпивать стал. Напиваться не напивался. Стопку-другую опрокинет в одиночестве. Никому не жаловался, ни с кем мыслями не делился.

Весь экипаж Тихоню уважал и сочувствовал. Не было грамотнее офицера. Казалось, не существует на корабле помещения, устройства, которое бы он не знал. Самоуверенная молодежь сколько раз пыталась его подловить. Безуспешно. Закроет Тихоня на минуту глаза и выдаст информацию, словно компьютер у него, а не военно-морская голова, забитая, как у большинства, ненужными бытовыми мелочами.

В семье разлад начался. Жена недовольна.

— Что я на твои деньги куплю? Детей одеть, накормить надо. Сама как оборвыш хожу.

Молчит Владислав, себя винит, не заметил, как Светик, цветочек ненаглядный, превратилась в сварливую, завистливую бабу.

Терпеть дальше немоготу. Одна радость осталась — дети. Все свободное время проводил с ними. Выберутся в выходной на природу, к кромке леса подойдут. Впереди лишь редкие самые смелые сосны. К морю выбежали. Стволы кривые, крученые, ветви корявые, узловатые. За их спиной остальные. Растут красивые, прямые, стройные, беспечные. Не понимают, какой ценой за их покой заплачено. Ляжет Тихонов на песок, на спину, дети рядом. В синь небесную глаза опрокинет, рассказывает:

— Вон облако на старинный фрегат похоже. Того гляди, засвистят боцманские дудки. Побегут по вантам матросы паруса ставить. Вон другое, словно дядька Черномор от дружины отставший, устало из пены морской выходит.

Таращат ребята глазенки, и верится им, так оно и есть. Вопросы за вопросы цепляются. Время летит незаметно. Солнце вот-вот в море утонет. Пора домой возвращаться.

Когда дочка и сын улеглись и уснули, Владислав позвал жену, смотревшую очередной латиноамериканский сериал:

— Света, подойди. Разговор есть.

— Вечно ты не вовремя, — недовольно огрызнулась она. Но, почувствовав необычность тона, которым слова были сказаны, пришла на кухню.

— Сядь. Вот заявление о разводе. Считай, мечта твоя исполнилась.

— Какая мечта? — Жена оторопело, не понимая происходящего, смотрела на лист бумаги.

— Ты столько лет твердила о том, что ошиблась в выборе мужа. Теперь проблема устранена.

— Славик, не обращай внимания на глупую женщину. Никто мне кроме тебя не нужен. Как я жить-то одна буду?

— Света, у меня пустота в душе. Перегорело. Лучше разрубить, чтобы друг друга не мучить.

Настроение у жены резко изменилось. Она встала, поджала губки:

— Ты еще об этом пожалеешь, Тихоня.

— Может быть, — равнодушно ответил Владислав и пошел в детскую комнату. Пристроился рядом с сыном на кровати.

Утром, как всегда рано, Тихонов поспешил на корабль. При подходе к гавани услышал аварийную тревогу. “Не на нашем ли что случилось?” — мелькнула мысль. Прибавил шагу. Точно. С соседних кораблей аварийные партии толпятся у трапа. Из двери на шкафуте дым валит. Старпом как ужаленный мечется. Матом кроет, усиливая неразбериху. Тихонов по трапу взбежал. Дежурного за руку схватил. Дернул резко:

— Что случилось? Коротко и ясно.

— Пожар в помещении приводов. Задымленность. Ничего не видно. Вентиляцию не включаем, боимся, сильнее полыхнет. Разведчиков посылали в изоляционных противогазах. Те шишки набивали и назад возвращались.

Представил Тихонов, что произойдет, когда рванут ракеты, находящиеся над горевшим помещением, подошел к старпому.

— Чудак ты, Вения, на букву М... Уйди и не позорься, коли руководить не способен.

Старпом глаза выпучил. Силится сказать, да слова в горле застряли. Против правды не поперешь. Только зубами заскрежетал.

Выхватил Тихоня у старшины противогаз, надел и шагнул в дым. Исчез, будто растворился. Отсутствовал недолго. Вынырнул неожиданно. В руке пара полусгоревших яловых ботинок. Выкинул их за борт.

— Вентиляцию включите. Считайте, пожар ликвидирован, — нервно улыбаясь, бросил Тихонов и ушел в каюту.

На подъем флага не явился. Когда командир вызвал его и начал благодарить за смелые и решительные действия, слушать не стал. Протянул рапорт об увольнении из Вооруженных Сил.

Командир, зная характер Тихонова, только головой покачал. Этот от своего решения не отступит. Вслух произнес удрученно:

— Идите, Владислав Викторович, разберемся.

Вызывали Тихоно различные начальники. Объясняли настойчиво, какой он хороший и достойный всяческого и немедленного продвижения. Должности ему предлагали.

В ответ звучало одно:

— Я решение принял. Служить не буду.

Они стыдливо замолкали, понимали — теряют толкового, преданного флоту офицера, из которого мог бы вырасти руководитель высокого полета, не им чета. И подписывали рапорт.